

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

«Гамлет»

Стихотворение было написано в 1946 году. Оно входит в состав последней, семнадцатой части романа «Доктор Живаго» — «Стихотворения Юрия Живаго». «Гамлет» — многоаспектное стихотворение. Оно о герое Шекспира, принце Датском, который поднялся на борьбу со всем мировым злом и погиб в этой безнадежной борьбе; о гениальном актере, играющем роль Гамлета в театре, глубоко эту роль постигшем; об Иисусе Христе, пришедшем на землю, чтобы пройти путь страданий и своими страданиями искупить все грехи человечества; о герое романа Юрия Живаго; наконец, об авторе романа Борисе Пастернаке.

Гамлет имел прямое отношение к театру и даже выступал в роли режиссера трагедии «Убийство Гонзаго», представленной труппой бродячих актеров. Так что пребывание на сценических подмостках для него естественно:

Гул затих. Я вышел на подмостки.

В буквальном, прямом понимании — это слова актера, который вышел на сцену. Метафорически эти слова очень естественно могут быть приписаны Гамлету, который говорил, что жизнь — это театр и люди в нем — актеры. Во второй строфе образ героя еще больше усложняется, поскольку Пастернак вводит ассоциацию с евангельской историей о молении о чаше:

Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Эти стихи близко передают молитву Христа в Гефсиманском саду: «Авва Отче! Все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо меня» (*Авва Отче* — обращение к Богу-Отцу). Таким образом, герой стихотворения ассоциируется с Иисусом Христом.

Я люблю Твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.

В этой строфе переданы колебания и Христа, переданные в Евангелии, и Гамлета, и метания Юрия Живаго, и самого Пастернака. В следующей, заключительной строфе пастернаковский герой принимает все испытания судьбы, какими бы они ни были:

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

Фарисеи отвергали учение Христа, обличение их лицемерия и ханжества многократно звучит в речах Христа, переданных в Евангелии. Фарисейским — лживым, лицемерным — был двор короля Клавдия в Эльсиноре. Лицемерие и ханжество своего времени не раз обличал Пастернак, в том числе в «Докторе Живаго». В последней строке евангельские образы, высокий библейский слог соединяются с народной пословицей, содержащей простую, но очень глубокую мысль. Такая концовка придает естественность, достоверность всему стихотворению.